

Три мифа о российской внешней политике

Федор ЛУКЬЯНОВ,
главный редактор журнала
«Россия в глобальной
политике»

В эпоху, когда принципы мирового устройства подвергаются эрозии, нормы и правила, принятые в прежние периоды, размываются, а на международную арену стремительно врываются новые игроки, зачастую неопытные, но со своими специфическими представлениями, ориентироваться в большой политике все сложнее. Глобализация делает все процессы нелинейными – слишком много факторов влияет на них, чтобы было возможно точно предсказать траекторию развития. Вероятно, поэтому все большую роль играет восприятие – понятие слабо предсказуемое. От того, как отдельные игроки видят то, что происходит в мире, как они интерпретируют поведение друг друга, всегда зависело многое, но раньше этот субъективный фактор лишь накладывался на достаточно жесткие принципы международных отношений, влияя на

политику, не определяя ее. Сейчас, похоже, субъективное толкование – единственный способ хоть как-то упорядочить среду вокруг себя, но и источник неизбежных заблуждений. Отсюда и внимание, повсеместно придаваемое «мягкой силе» (воздействие на образы и представления), которую полагают чуть ли не более важной, чем традиционную, «жесткую» (практика не всегда это подтверждает, но это отдельная тема).

Россия – страна, политика которой вызывает наибольшее количество самых разнообразных, подчас противоположных толкований. Ее считают, с одной стороны, настолько противоречивой, что непостижимой логически, но с другой – неизменной, базирующейся на вечных принципах. Она слишком реактивна (то есть не имеет долгосрочного видения, а просто конъюнктурно реагирует на импульсы), а при этом руководствуется хитрой стратегией. Кремль никогда не откажется от имперских амбиций, но не способен последовательно их реализовать. Россия настроена на противостояние с Западом, хотя шаг за шагом интегрируется с ним на разных уровнях. Российская внешняя политика – продолжение внутренней, либо наоборот – внутренняя ситуация является производной того, как воспринимается внешний мир. И так далее...

Было бы странно отри-

цать, что российская внешняя политика, действительно, весьма сложна, что ее определяет набор крайне разнообразных мотивов, эмоций, исторических реминисценций и реакций. Но это не означает, что за ней не стоят определенные закономерности и не присутствует логика поведения, определяемая не только субъективными факторами, но и анализом объективных обстоятельств современного мира. Попробуем разобраться с некоторыми наиболее распространенными стереотипами, относящимися к внешней политике России.

Россия во всем противостоит Западу и вставляет палки в колеса США

Это утверждение – общее место, и примеров, которые, с точки зрения критиков России, его подтверждают, множество. Остановимся на наиболее актуальном – Сирии.

Картины событий на Ближнем Востоке, на Западе и в России различаются диаметрально. И дело не в пропаганде или кардинальном различии интересов, хотя и то, и другое имеет место. Москва и западные столицы совершенно по-разному оценивают то, что вообще происходит в мире. Россия, пережившая в совсем недавнем прошлом катастрофу распада, одновременного экономического и геополитического обрушения, крайне чутко воспринимает

деструктивные тенденции, связанные с ними угрозы, и на собственном опыте знает, как велика разница между намерениями и их реализацией. Запад же, несмотря на многочисленные потрясения последнего десятилетия, еще продолжает жить в шлейфе триумфа конца XX века, анализируя происходящее сквозь идеологическую призму.

Вначале упорство Москвы по сирийскому вопросу было принято объяснять чисто меркантильными соображениями. Режим Башара Асада, мол, – крупный клиент российской военной промышленности, и ВПК, раздосадованный потерями на иранском (отмена контракта на С-300) и ливийском (свержение Каддафи вследствие отказа России заветировать резолюцию СБ ООН) рынках, встал насмерть, чтобы сохранить последнего партнера. Впрочем, как указывали недавно эксперты Центра анализа стратегий и технологий, поставки оружия Дамаску в 2011 году составили всего пять процентов из общего объема экспорта вооружений. А так называемая «военно-морская база» России в Тартусе, которую называют единственным объектом такого рода за пределами бывшего СССР, имеет лишь символическое значение, поскольку на деле есть не более чем причал для дозаправки кораблей. К тому же с 2006 года Сирия заплатила России

только 1 млрд долларов из полагавшихся по контрактам 5,5 миллиардов. Ну и, наконец, довольно быстро стало понятно, что вне зависимости от конкретного сценария развития событий в Сирии «бизнес как обычно» с режимом Асада больше невозможен.

Отчего Москва цепляется за обреченную фигуру, отсекая сама себе пути к отступлению – режим сменится, а упрямая его поддержка обрекает Россию на заведомо враждебные отношения с любыми будущими властями Сирии. В бесконечно повторяемые слова российских официальных лиц о том, что Москва в Сирии поддерживает не Асада, а принципы, никто никогда не верил. А зря. На политику России следует смотреть под другим углом зрения – связанным не столько с самим Ближним Востоком, сколько с общим пониманием Москвой того, как должны быть устроены международные отношения. И это было неоднократно сказано вполне публично и официально Министром иностранных дел Сергеем Лавровым. Например: «От того, как решится сирийский кризис, во многом будет зависеть модель реагирования

международного сообщества на внутригосударственные конфликты в будущем».

Упорство России напрямую связано и с тем, что происходило в 2011 году в Ливии. Тогда Москва по личному решению президента Дмитрия Медведева отступила от своей обычной позиции о недопустимости вмешательства в чьи-либо внутренние дела и, по сути, дала согласие на военную акцию против режима Каддафи. Тот «жест доброй воли» сегодня считается ошибкой – и в практическом, и в концептуальном плане, а жесткая позиция по Сирии призвана дезавуировать его и не позволить «международному сообществу» затвердить ливийскую модель как образец для будущих конфликтов. Ливийская же модель, с точки зрения российских стратегов, заключается в следующем: в междоусобном конфликте внешние силы выбирают «правильную» сторону и своим вмешательством помогают ей прийти к власти.

События на Ближнем Востоке вообще выявили тот факт, что внутри российского руководства существует концептуальная коллизия относительно

места в мире, а также способов, которыми его следует завоевывать. И это не стереотипное противостояние «прозападных» и «антизападных» подходов, «западников» и «националистов». Вообще, Запад как точка отсчета в системе координат начинает медленно и мучительно, но все-таки отходить на задний план – бессмысленно руководствоваться такой точкой зрения в мире, где определяющим становится Восток. Зато на передний выступает другая логика – распределение приоритетов в мировых делах при том, что Россия не Советский Союз и никогда им не будет, а значит – она не может претендовать на то, чтобы в равной степени участвовать во всех международных процессах.

Необычное решение Дмитрия Медведева в начале 2011 года не препятствовать военной акции против Ливии можно объяснить разными мотивами, но одна из причин была общего плана – понимание приоритетов. За годы его президентства достаточно явно наметилась тенденция воспринимать Россию как региональную державу. Конечно, с учетом региона, в котором Москва намеревается сохранить первенство, глобальное измерение неизбежно – это по сути вся Евразия от «старой Европы» до Тихого океана. И все же – территория, ограниченная географически.

Сделанное в августе 2008 года резонансное заявление Дмитрия Медведева о том, что Россия намерена любыми средствами защищать «сферу своих привилегированных интересов», было тогда, сразу

после пятидневной войны, истолковано как заявка на новую русскую экспансию. Впоследствии стало понятно, что смысл несколько иной – само понятие «сфера интересов» подразумевает некие границы. У Советского Союза, например, конкретной сферы интересов не было, точнее, она охватывала весь глобус, как и у США. Ливия в российскую сферу в понимании Медведева не входила. Контракты на четыре миллиарда – это, конечно, хорошо, но не более чем просто бизнес, рисковать ради этого чем-то серьезным, например, вступать в очередное противостояние с США и Европой, взаимодействие с которыми важно по другим направлениям, – того не стоит.

Путин, как и Медведев, не видит Россию глобальной державой в прежнем понимании, приоритеты – та же «сфера интересов», любимая идея – Евразийский союз, который соединит рынки Европы и Тихоокеанского пространства. Однако в отличие от Медведева Путин не считает, что сосредоточиться нужно исключительно на регионе. Способность влиять на ситуацию в других частях мира нынешний президент рассматривает как инструмент для торга, обмена возможностями, которые есть там, на привилегии в сфере непосредственных интересов. Иными словами: только играя (пусть спорадически) по всему полю, только сохраняя глобальный охват, можно закрепить свое преимущественное право в своем секторе планеты. И с этой точки зрения Ближний Восток – не зона непосредственного интереса, но поле важной региональ-

ной игры, наличие своих козырей в которой позволяет чувствовать себя увереннее за другими игровыми столами.

В международных делах Медведев проявил себя – сознательно или неосознанно – как либерал. Внутреннее развитие первично и определяет внешнюю политику (об этом Медведев подробно говорил в своем выступлении перед дипломатическим корпусом в июле 2010 года), различные процессы и события надо воспринимать по отдельности и принимать решения по каждому, а не рассматривать все во взаимной увязке. Типичный либеральный подход.

Владимир Путин смотрит на мир иначе. По взглядам он – приверженец структурного реализма. Внешняя среда определяет поведение государств, система едина, и все в ней взаимосвязано. Воздействие на одну часть влечет последствия в другой части. Отсюда его постоянная критика интервенционизма Запада. Дело не только в том, что ставится под сомнение «священный», как напоминает Путин, принцип суверенитета. Каждое вмешательство в систему нарушает саморегуляцию и усугубляет всеобщий хаос. А всеобщий хаос, как он убежден, рано или поздно спровоцирует хаосы в конкретных странах, Россия тоже уязвима.

Владимиру Путину в качестве президента выпало время, когда Россия, хотела она того или нет, уже была неотъемлемой частью глобальной мировой системы и не могла отгородиться от процессов, которые в ней происходят. Он пришел под лозунгом стабильности в России тогда,

когда в мире стремительно росла неопределенность на фоне распада привычной институциональной структуры. Лихорадочные попытки Запада укрепить мировую систему, созданную по западным лекалам, привели к тому, что конструкция зашаталась со всех сторон. А поскольку она едина и целостна, как никогда раньше, то последствия чьих-то непродуманных шагов отзываются на всех без исключения. Стабилизация внутри не сочетается с нарастающей дестабилизацией вовне. Иными словами, Путин оказался в противофазе, которая его просто бесит. Он не понимает политики ведущих держав, которые своими действиями как будто бы специально раскачивают международную ситуацию, выбивая из-под нее последние опоры.

Путин не одинок в неприятии такого положения вещей, но получилось, что именно он оказался в авангарде сопротивления. Во-первых, потому что Россия, несмотря на упадок после распада СССР, остается одной из самых активных стран с явными амбициями. Во-вторых, потому что в силу ее комбинированного ядерно-сырьевого потенциала игнорировать мнение России невозможно. Наконец, в силу особенностей характера самого президента – его отличает нетипичная для политиков такого уровня прямота и откровенность. Политкорректность – понятие ему глубоко чуждое. В совокупности все это превращает Путина в олицетворение антизападной фронды, хотя сам он никаких «фронтов» вести за собой не собирается, мировой геополитической

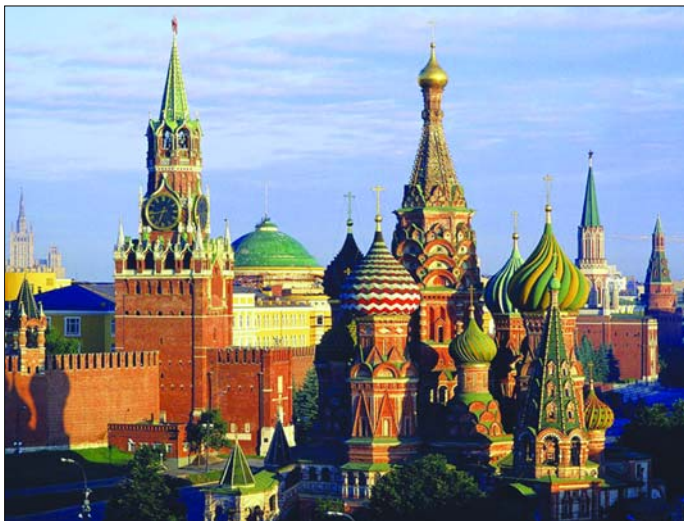

революции не хочет и скорее озабочен тем, чтобы отгородиться от внешнего напора. Москва пытается сохранить принципы, опора на которые позволила бы структурировать международную среду, все более хаотическую, неуправляемую, а потому опасную. И дело не во влиянии, а в самосохранении.

В России картина происходящего в Сирии (да и вообще на Ближнем Востоке) совершенно другая, чем на Западе и в арабском мире. Это ожесточенная гражданская война, имеющая религиозную (сунниты – шииты) и геополитическую (монархии Персидского залива против Ирана) подоплеку. Ставка в ней – не демократическая власть в Дамаске, а расстановка сил на Ближнем Востоке, причем судьба Сирии как таковой большинство участников, особенно внешних, не волнует. В Москве понимают, что при таком масштабе внешнего вмешательства, которое сегодня наблюдается в Сирии, трудно пред-

ставить себе, что Башару Асаду позволят остаться. Однако все российские специалисты, занимающиеся арабским Востоком, в один голос говорят: за Асадом значительная (посчитать точнее в условиях войны невозможно) часть населения, которая не столько поддерживает его, сколько боится альтернативы, представляемой оппозицией, больше, чем режима.

В этой ситуации логика России достаточно проста. Менять позицию не имеет смысла – после Асада Сирия либо вообще не сохранит целостность, либо будет управляться силами, которые заведомо считают Россию врагом. Участвовать в урегулировании, которое будет навязано извне, опасно – результаты, скорее всего, окажутся плачевными, зато Россия будет среди тех, кому придется нести моральную ответственность за будущий хаос. Предложение политического процесса, в котором сами сирийцы определяют свою судьбу, беспро-

игрышно: мысль очевидная, а если это невозможно, то, увы, мы предупредили.

Россию крайне тревожит исламизация Ближнего Востока, поскольку усиление радикалов и догматиков там неизбежно аукнется в мусульманских регионах России. Что же касается геополитических позиций, то тут, пожалуй, кроется главная загадка для тех, кто пытается интерпретировать российскую позицию. У России есть одно преимущество перед Соединенными Штатами, которые претендуют на мировую гегемонию, и Европой, которая зависит от энергопоставок, – в крайнем случае, Москва просто уйдет. Обидно, но не смертельно. Ни США, ни ЕС себе такого позволить не могут. Более того, не будучи более глобальной державой, формулируя свои интересы как региональная сила, Россия может себе позволить выйти из игры на Ближнем Востоке, если там станет совсем горячо, «окопаться» на дальних подступах и наблюдать со стороны, как Запад пытается справиться с «арабским пробуждением».

Россия хочет восстановить Советский Союз

Уверенность в том, что основной движущей силой российской политики служат имперские амбиции, то есть стремление воссоздать в той или иной форме политико-экономическую общность на месте бывшего СССР (а раньше Российской империи) свойственна большинству тех, кто анализирует поведение России на международной арене. Соответственно всякий проект, который предусматривает интеграционные форматы на этой территории, объявляется почти автоматически шагом к восстановлению Советского Союза.

Трудно спорить с тем, что крах СССР стал серьезной психологической травмой для российского правящего класса и значительной части населения. В отличие от большинства империй, которые при распаде потеряли заморские владения, но сохранили свое национальное ядро, Россия не имеет четкого представления о своем ядре, как минимум, некоторые из территорий, утраченные в процессе дезинтеграции, воспринимают-

ся как относящиеся к этому самому ядру, то есть по праву составляющие часть российской государственности. Вторым элементом является тот факт, что советский экономический комплекс был намного более тесно интегрирован, составлял одну неразрывно связанную экономику, разрыв хозяйственных и производственных связей оказался намного более чувствительным, чем при демонтаже любой из трансконтинентальных империй. Наконец, фактор того, что с исчезновением единой страны 25 миллионов русских, не сдвигаясь с места, поменяли место жительства и гражданство, иными словами, впервые в истории русские стали разделенным народом, недооценивается теми, кто рассматривает особенности российской политики в постсоветские годы.

Идея реинтеграции с самого начала была достаточно популярна у российского руководства, однако на деле она долго не выходила за риторические рамки. Борису Ельцину, например, не хотелось оставаться в истории в качестве разрушителя единой страны, и проект Союзного государства России и Беларуси явно был призван продемонстрировать, что первый Президент России сам же и начал собирание земель назад. Дальнейшие попытки перейти к институциональным формам интеграции заканчивались широковещательными декларациями.

Таможенный союз, предложенный Владимиром Путиным в 2009 году и подтвержденный во время его избирательной кампа-

нии в 2011-2012 годах, пожалуй, первая попытка предложить экономически состоятельную и привлекательную для остальных интеграционную модель. Начать надо с того, что название – а с 2015 года ТС должен называться Евразийским союзом – вводит в заблуждение. Приверженцев евразийской идеологии, в соответствии с которой Россия представляет собой особую уникальную цивилизацию, противопоставленную Европе и имеющую в качестве миссии объединение огромных пространств Евразии, путинская идея крайне воодушевила. Однако на деле это не имеет отношения к реальности, речь идет не об отвержении европейских подходов, что было бы естественно для настоящего евразийца, а об их заимствовании и адаптации к России и окрестностям. Использование понятия имеет двойственный смысл: с одной стороны, подчеркнуть отличие от имеющегося ЕС (отсюда и евразийскость), но, с другой, продемонстрировать и сопричастность, сходство организационных принципов. К тому же постоянно указывается на то, что Евразийский союз – это не замкнутая структура, а элемент будущего единого пространства от Лиссабона до Пусана, на котором объединяться все рынки от европейского до тихоокеанского. То есть не обособление, а как раз наоборот.

Евразийский союз как развитие союза Таможенного – это прикладное начинание. Целью его является расширение рынков и восстановление части разрушенных с распадом СССР производственных

цепочек, а средством – воспроизводство на этой территории принципов европейской интеграции второй половины XX века. Катализатором служит глубокий кризис в Европейском Союзе, которому сейчас и на обозримую перспективу придется заниматься исключительно внутренними проблемами, так что будет не до сопредельных государств. России представляется благоприятный шанс снизить уровень конкуренции. Тем более что сама идея вполне рациональна и может быть перспективной.

Кстати, в отличие от европейской стороны, Россия никогда не заявляла, что требует от партнеров отказа от любых других проектов. Интеграция в рамках ТС рассматривается как этап на пути к дальнейшей более широкой интеграции. На эксклюзивности, напротив, настаивает Европейская комиссия, которая уже не раз выдвигала Украине ультиматумы – или с нами, или с Россией.

Вопреки представлению о том, что Таможенный/Евразийский союз является инструментом исключительно российской политики, решения в Евразийской экономической комиссии, исполнительном органе объединения, при-

нимаются консенсусом. При этом у всех трех участников – России, Беларуси и Казахстана – голосов поровну, по три. Для Москвы это значительный сдвиг в сознании. Можно вспомнить, что

немногим более 10 лет назад Владимир Путин предлагал Минску интегрироваться в пропорции 97 к трем, политические права в соответствии с соотношением веса экономик. Теперь в России понимают, что без фиксации базового равноправия никакая интеграция невозможна в принципе, разве что загнать страны в объединение силой и держать их там под дулом. Многим в России такое равноправие кажется несправедливым, однако никакого иного варианта нет.

Предполагаемый Евразийский союз не является тем, чем его видят со стороны. Это не политическое воплощение «великой степи» в духе философа Льва Гумилева, не реинкарнация СССР и лишь в небольшой степени альтернатива Евросоюзу. Если проект будет продолжаться, а политическая воля по его продвижению сильна, то, вероятно, оболочка наполнится более конкретным содержанием, а выгоды, которые могут извлечь участники, подтолкнут их к поиску идейного каркаса. Пока же Евразийский союз – интересный эксперимент по поиску нового места России и соседних стран в условиях резко и стремительно меняющегося мира.

Россия отворачивается от Европы и переориентируется на Азию

С конца 2000-х годов в России стали много говорить о необходимости выработки азиатской стратегии страны. Владимир Путин нанес в Пекин один из первых своих визитов после начала третьего президентского срока. До этого – осенью 2011-го – он побывал в Китае, еще будучи премьером, но уже после объявления о грядущем возвращении в Кремль. Си Цзиньпин приехал в Москву через несколько дней после того, как был официально утвержден председателем КНР.

На фоне напряженных отношений с США и запутанных – с Евросоюзом, делается вывод о том, что Россия стремится к альянсу с Китаем, чтобы составить альтернативу Западу. Между тем, вопрос о соотношении «западного» и «восточного» в миропонимании Путина многограннее простых схем.

Начать с того, что Путин-2, то есть Президент России второй половины 2000-х годов, совершенно затмил в восприятии наблюдателей Путина-1, того главу государства, который в 2000-2004 годах настойчиво предлагал разнообразные шаги по сближению с Западом. От вариантов тесной кооперации вплоть до интеграционных перспектив с Европой и шагов навстречу США (заккрытие объектов на Кубе и во Вьетнаме, лояльная позиция в Центральной Азии и пр.) до намеков Токио на возможность компромисса по Курильским островам. Не получилось почти ничего – единственным предметным резуль-

татом того «мирного наступления» стал газопровод «Северный поток».

Какова пропорция ответственности за тогдашние неудачи – вопрос оценки. Отчасти у Путина не хватило умения и терпения убедить в искренности и серьезности своих намерений. А отчасти западные собеседники понадеялись на то, что если не идти на уступки, то Москва потом все равно «сольется» и согласится на предлагаемые условия. Тем не менее в ретроспективе Владимира Путина трудно упрекнуть в том, что он тогда не пытался ввести Россию в западную орбиту. Отсутствие желаемого результата (точнее, наличие результата противоположного) породило Путина-2, автора Мюнхенской речи.

Какую роль в палитре 2000-х играло восточное измерение, в частности Китай? Ранний Путин, несмотря на слова о многополярности, предельно западоцентричен. В том смысле, что точкой отсчета служили отношения с США и Европой, когда-то хорошие, когда-то очень. При этом с начала прошлого десятилетия закладывались основы отношений в Азии, прежде всего с Китаем, создавались структуры разной степени жесткости – от Шанхайской организации сотрудничества до БРИК. Тогда большинство комментаторов интерпретировали эту активность с точки зрения влияния на отношения с Западом. И это было верное толкование: Москва постоянно давала понять Америке (военно-политический аспект) и Европе (энергетика), что у нее есть альтернативы. Когда-

то Запад верил и выражал озабоченность, когда-то просто отмахивался.

Эта тенденция – воспринимать азиатское направление российской внешней политики как способ что-то доказать Западу – есть и сегодня. Однако сейчас она уже не актуальна по одной причине: как бы ни складывались отношения Москвы с Америкой и Европой, Китай, по сути, уже превратился в главного соседа России, от которого сегодня зависит очень много, а в перспективе будет зависеть едва ли не все. Москва просто не может позволить себе, во-первых, не иметь с КНР очень хороших отношений, во-вторых, не выстраивать на этом направлении тщательно продуманную политику – самостоятельную, а не по принципу производной от текущей атмосферы с Соединенными Штатами.

Владимир Путин не относится к числу тех, кто очарован Китаем, и он отдает себе отчет в тех рисках, которые несет быстрый и очень внушительный рост азиатского соседа. Но он понимает и реальность. Во-первых, России в любом случае придется искать способы максимально мирного и благожелательного сосуществования с Пекином, во-вторых, много локомотива роста и развития в Азии, сопоставимого по мощи с Китаем, просто нет. И если Россия надеется качественно изменить свой Дальний Восток, без китайского участия ничего не получится.

Владимир Путин никогда не скрывал, что он считает зало-

гом сохранения России как значимой державы в XXI веке углеводороды. От лозунга «энергетической сверхдержавы» предсудомнительно решили отказаться (хотя забавно, что уже после России его подхватила Канада), но суть не изменилась. И если в Европе трубопроводную дипломатию и политику Москва практикует с 60-х годов прошлого века, то в Азии она только начинает к подобному присматриваться.

Прототипом можно считать недавнее предложение Пхеньяну сделать его опорным партнером при строительстве транскорейского газопровода в обмен на качественное изменение позиции по вопросу о ядерной программе и мирном урегулировании. Переоценивать способность России добиваться своего таким способом не стоит: в отличие от Европы, в Азии политический задел придется строить практически с нуля. Но и другого пути нет. Едва ли не главным содержанием следующего президентства станет выработка модели сосуществования с Пекином на десятилетия. Так что скоро комментаторам придется не визиты в Китай рассматривать сквозь призму отношений с Европой и США, а наоборот – взвешивать, может ли Россия

Федір Лук'янов – головний редактор журналу «Россия в глобальній політиці». Випускник філологічного факультету Московського державного університету. З 1990 року – журналіст-міжнародник. Працював на Міжнародному московському радіо, у газетах «Сьогодні», «Время МН», «Время новостей». Голова Президії Ради із зовнішньої та оборонної політики Росії. Матеріал «Три міфа о російській зовнішній політиці» підготовлений спеціально для журналу «Зовнішні справи» та друкується мовою оригіналу.

использовать свои контакты на Западе для того, чтобы усилить свои позиции перед лицом Китая.

При этом нет никаких сомнений в том, что культурно и цивилизационно Россия остается европейской страной, и именно в таком качестве ее воспринимают в Азии. То есть вопрос о переориентации не стоит, есть вопрос о необходимости использовать максимально эффективно возможности, которые предоставляет растущая Азия, и к этому сейчас стремятся все, включая сами страны-члены ЕС.

* * *

Россия, как и весь мир, переживает переходный период. Прежняя модель мироустройства окончательно уходит в прошлое, новая еще не сформировалась и даже не намечилась. Сама страна вступает в но-

вый этап развития – тот, который уже не будет иметь в качестве постоянной точки отсчета момент распада СССР. Новая идентичность и новая политическая парадигма не рождаются быстро и легко, неизбежны метания и поиски. Это касается не только России, все заметные международные игроки сталкиваются с той же необходимостью. Прошлые подходы больше не работают, а стратегия на будущее практически невозможна, поскольку оно непредсказуемо. В этих условиях рациональная позиция – минимизировать риски, которые порождает глобальная пронцаемая среда, накапливать диверсифицированные возможности с тем, чтобы быть в состоянии отвечать на любые вызовы, сохранять максимально возможную свободу действий, дабы не быть связанным в случае острой необходимости реагировать. Этим и руководствуется современная Россия, правда, начиная понимать, что на одной тактике и голом прагматизме бесконечно строить политический курс не получится.